

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

КАК ВЫПИТЬ СОЛНЦЕ

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

КАК ВЫПИТЬ

СОЛНЦЕ

Стихи

Советский писатель
Москва * 1961

Владимир Солоухин широко известен советскому читателю как автор ряда поэтических и прозаических книг. Особенно большой отклик получили две его повести — «Владимирские проселки» и «Капля росы».

Книга новых стихов «Как выпить солнце» несет в себе глубокое философское содержание. Рисуя мир, щедрый, полнокровный, показывая, как человек украшает своим трудом землю, автор утверждает могущество жизни и необходимость защищать ее, бороться за мир и счастье людей.

Острое чувство современности, живое восприятие жизни, яркое видение мира — все эти черты характерны для этой новой книги В. Солоухина.

I

ЯБЛОКО

Я убежден, что Исаак Ньютон
То яблоко, которое открыло
Ему закон земного тяготенья,
Что он его,
В конечном счете,— съел.

То яблоко — дитя Земли и Солнца —
Родилось,
Выросло из завязи,
Созрело
(А перед этим пчелы прилетали,
И дождь прошел, и теплый ветер дул)
Не столько для того, чтобы упасть
И доказать движеньем по прямой,
Что тяготенье вправду существует,
Но главным образом, чтоб стать
красивым, сладким,
И сочным, и прокладным, и большим,
Чтобы его, любуясь, разломали
И аромат услышали
И сладость
Вкусили чутким человеческим ртом.

НЕ ПРЯЧЬТЕСЬ ОТ ДОЖДЯ

Не прячьтесь от дождя! Вам что, рубашка
Дороже, что ли, свежести земной?
В рубашке вас схоронят. Належитесь.
А вот такого ярого сверканья
Прохладных струй, что льются с неба
(с неба!),
Прозрачных струй, в себе дробящих солнце,
И пыль с травы смывающих,
И листья
Полощущих направо и налево,
Их вам увидеть будет не дано.

Смотреть на дождь? Какая ерунда!
Сто раз я видел море на картинах,
А толку ни на грош.
Где запах моря?
Где бархатная ласковость его?
Где мощь его, когда волну прибоит,
Сто тысяч тонн дрожащей синевы,
Оно поднимет кверху, как в ладонях,
И понесет,

И выплеснет на берег,
И с ног сшибет, и в пене погребет...
Где соль его?
Итак, долой картины!
Долой
На дождь гляденье из окна!
Жить надо всем.
Глазами жить — убого.
Жить надо кожей, ртом, и нервом каждым,
И каждой клеткой, что пока жива,
Пока способна слышать влагу моря.

Жить надо всем.
Уже дождя мне мало.
Я в сад бегу и тонкие деревья —
Рябину,
Вишенью,
Цветущую сирень —
Стряхаю на себя, усиливая дождь.

Деревьев мало мне!
Пульсируя упруго,
То льющаяся в звонкое ведерко,
То ветром относимая капель
Мне рушится на голову и плечи.
Капель, даешь капель!
Она мне заливает
Глаза, и нос, и рот,
Глаза, и нос, и рот...
Но сквозь капель я все-таки хватаю,
Вдыхаю, как могу лишь глубоко,

Дождем промытый, пахнущий сиренью
И чуточку железом ржавой крыши
(Ведь все же с крыши падает капель)
Большой
Земного воздуха глоток.

ПОЛЕТЫ

Летаем мы во сне. Я говорю
Про ощущение сладкое полета.
Конечно, современный самолет
Поднимет вас на десять тысяч метров
И тотчас унесет куда-нибудь
В Ташкент, в Пекин, в Сахару,
в Антарктиду...

Но это все — езда, а не полет,
Вы в мягком кресле. Лампочка над вами.
В руках журнал, к примеру «Огонек».
Вам девушка приносит на подносе
Лимон и чай. И кучу леденцов
На случай, если вскорости начнутся
Воздушные ухабы. Все предметы,
Что окружают вас, вполне спокойны
И неподвижны...
Где же тут полет?

Я помню, в юности, когда я жил в деревне,
Ходили мы за вениками в лес.
Сейчас найдешь березу постройнее,

Повыше,
Поупружистей,
Погибче,
Чтобы вполне ладони обхватили
Ее, как тело, розоватый ствол.
Сначала сучьев нет. И по стволу,
Подошвами босыми упираясь,
С коры стирая белую пыльцу,
До онеменья натруждая руки,
Стремишься вверх, где жесткой нет опоры,
А только зыбкость,
Только синева,
Что медленно колыхается вокруг.
Тогда отпустишь ноги
И повиснешь,
Руками ухватившись за верхушку,
И длинная, упругая береза
Начнет сгибаться медленно к земле.

Там было ощущение полета!
Пусть десять метров, пусть одно мгновенье...
И вот уж я валяюсь на траве,
Березу все из рук не выпуская,
Лицо уткнувши в нежную листву.
Хочу и отпущу.
Она обратно
Стрельнет стремглав и гордо отряхнется,
Как если бы обидевшись чуть-чуть...

Что ж приближает нас всего полнее
К полету птицы?
Белый склон горы.

Сверкает снег. Кусты внизу по речке
Игрушечными кажутся отсюда.
Я чувствую,
Как много между мною
И ими, там стоящими внизу,
Морозного прозрачного пространства.
Как много просто воздуха меж нами,
Через который надо пролететь.
И я лечу.
Я ничего не помню,
Как было там, на середине склона,
Как было там, где сосны промелькнули,
Как было там, на самой крутизне.
Но ветер, пробивая толстый свитер,
По телу разливается прохладой,
Потом срывает шапку и бросает
Ее в сугроб. И слезы высекает
Из глаз, смотрящих ветру вопреки...
Стою внизу.
И вот уж нет полета.
Хотя еще дрожат слегка колени.
Что ж это было?
Что же это было?
Почти как птица. Или как во сне.

КАК ВЫПИТЬ СОЛНЦЕ

Профаны,
Прежде чем съесть гранат,
Режут его ножом.
Гранатовый сок по ножу течет,
На тарелке — красная лужица.
Мы
Гранатовый сок бережем.
Обтянутый желтою кожурой,
Огромный,
Похожий на солнце плод
В ладонях медленно кружится.
Обсмотришь его со всех сторон:
Везде ль кожура цела.
А пальцы уж слышат сквозь кожуру
Зерна,
Нежные, крупные.
Нажмешь легонько
(Багряна мгла!) —
Кровью брызнули три зерна
(Впрочем, брызгаться тесно там —
Глухо и сочно хрупнули).

Теперь осторожно мы мнем и мнем
Зерна за рядом ряд.
Струи толкутся под кожурой,
Ходят, переливаются.
Стал упругим,
Стал мягким жесткий гранат.
Все тише, все чутче ладони рук:
Надо следить, чтоб не лопнул вдруг —
Это с гранатом случается.
Терпенье и нежность — прежде всего!
Верхние зерна — что!
Надо зерна
Суметь
Достать в глубине,
В середине размять их здорово...
И прокусить кожуру,
И ртом
Глотками сосущими пить потом,
В небо подняв драгоценный плод
И
Запрокинув голову!

ЯГОДА

В зеленой лесной траве, в трех шагах от тропинки,
Выросла ягода, вызрела до красноты.
Сорвать бы... да мало ли ягод в лесу,
Не за этим пришел... три шага... да еще нагибаться...
Пусть висит. Брызнет дождик — на землю собьет,
Или птица склюет.

А ягода мне говорит:

— Не ленись, подойди, наклонись, избалованный
жизнью!

Не ценящий мгновенья,

Сорви меня

И

Насладись.

Я мала, это правда. Но запахи летнего леса,
Солнца утренний лучик, упавшая в землю дождевка —
Все в меня воплотились, во мне воедино слились.
Положи меня в рот. Языком разомни меня нежно.
Через зубы меня, прохладную, процеди.
Равнодушно идущий, на солнце глядящий небрежно,
Сколько ягод осталось еще у тебя впереди?
Говорят, умирая, все прошлое перебирают:
Что видали, где были, в чем были правы-неправы.

Меж событий других,
Затемняя их и отстраняя,
Может, я-то и вспомнюсь, кивну из зеленой травы.
Может, вспомнив меня, ярко-красную, с пятнышком
белым,

Перед тем как обрушится мрака последний обвал,
Не о том пожалеешь, что где-то чего-то не сделал,
А о том, что сегодня
Меня не сорвал.

ЯСТРЕБА

Я хожу по лесам.
По деревьям упавшим
Перебираюсь через лесные реки.
Накрываю шалаш, разжигаю костер
(Заметьте, что даже в дождик
Я разжигаю хороший костер,
Тратя одну лишь спичку)
И ночью под шорох дождя.

Иногда я карабкаюсь под облака
По желтым сосновым сучьям,
Покрытым соскальзывающей шелухой.

Ястреба

Начинают делать заход
И пикируют, как «мессершмитты».
Я вижу их когти, на лапах, прижатых к груди,
Готовые хваткой глухой в мясо вонзиться:
В мясо тетерки,
В мясо дрозда,

В соловьиное,
В перепелиное,—
Лишь бы было оно горячо,
Лишь бы брызнуло свежей кровью, когда
Эти когти вонзятся в него,
Гнутые, ястребиные.
Я вижу еще и глаза
У пикирующих ястребов.
В них ястребиный неистребимый огонь
Освещает звериную темень.
Он придает мне решимости.
(За сучья цепляясь одной рукой,
Приходится палку держать в другой,
Защищая глаза и темя.)
Но я все равно доберусь до гнезда,
Схвачусь за черные жесткие прутья,
Как бог справедлив и разгневан
(Мусор и птичий помет сыплются сверху в глаза,
А сосна
Плавно и сладко качается вправо и влево),
И буду за черные прутья трясти и качать,
Пока не сорву его с места.
О сучья дробясь и ломаясь,

оно полетит стуча —

С подстилкой,
С пометом,
С птенцами вместе!
Потому что (как ни покажется странным)
Из маленьких милых птенцов
Вырастают опять ястреба,
С когтями, прижатыми плотно к груди,

Готовыми в мясо вонзиться...
Вот почему я карабкаюсь на сосну
Каждый раз,
Всегда,
Если на самой вершине ее
Ястреб гнездится.

ОБЛАКА

Сколько их пролетело за сорок-то дней,
Облаков, над нашим селом.
Над селом, над бугром, над зеленой землей,
Над полями, где рожь,
Над садами, где яблони,
Над картошкой,
Над гречей,
Над клеверами,
Над гороховыми,
Над льняными полями —
Облака... облака... облака...
Не хватает им музыки полковой,
Барабана, кидającego в озноб,
Ибо ветер — полководец всех облаков —
Развернул их могущественно, как войска.

С дочкой смотрим мы вверх
С зеленой земли
На белые цепи,

На цепи полков,
На цепи без края и без конца,
На цепи штурмующих синеву облаков,
Белых, но с легким налетом свинца.

— Папа, угадай, а почему облака
Не бывают из молока?
— Потому что для этого было бы нужно
Очень много вкусного молока.
И к чему? Хорошо, если б были они
Из простой, из прохладной воды дождевой,
Из золотой, прозрачной воды.
Вся б трава напилась, все б цветы напились,
Все б грибы напились, колоски б напились,
И картошка,
И греча,
И клевера,
Ну а также леса и сады.
Но который уж день над землей облака
И не из воды, и не из молока —
Совершенно бесплодны,
Совершенно пусты
Облака... облака... облака...

— Папа, а видишь за тем леском
Стало черным-черно.
Наверно, дождик сейчас придет
Из золотой, из прозрачной воды,
Чтоб трава напилась, чтоб цветы напились,
Чтоб грибы напились, колоски напились,
И картошка,

И греча,
И клевера,
Ну а также леса и сады.
— Что ты, девочка! Туча-то, видишь, где?
Там, куда летят облака.
Ветер ее далеко унесет,
Ветер ее в клочки разорвет.
Разве может туча встречу ветра идти,
Нет сюда этой туче пути.
Видишь, движутся к ней, окружают ее, как войска,
Облака... облака... облака...

А сосед проходил — закурить не прочь,
Да и выпить тоже всегда не прочь.
Встанет,
Взглядом прищуренным взглянет
И прикинет точно,
Как метром:
— Ты девчонке голову не морочь,
Разве не видишь — гроза идет?
Туча-то эта, что за леском,
Идет со своим ветром!
— Как же так?
Как же может такое быть?
Как же может туча встречу ветра плыть,
Против ветра встать,
Белый фронт прорвать
И господствовать в небе?
Где там...
— А я говорю, что ей наплевать,
Сейчас придет и начнет поливать.

И-де-ет

Со своим ветром!

Еще спину щекочет горячий зной,

Пылью еще порошит, как золой,

А в лицо уж летит прохлада.

Все кипит вверху, как в большом котле,

Тонет белая рать в черно-синей мгле

Над полями. Над лесом. Над садом!

СОЛНЦЕ

Солнце разлито поровну,
Вернее, по справедливости.
Вернее, по стольку разлито,
Кто сколько способен взять:
В травинку и прутик — поменьше,
В большое дерево — больше,
В огромное дерево — много.
Спит, затаившись до времени: смотришь,
а не видать.

Голыми руками можно его потрогать,
Не боясь слепоты и ожога.
Солнце умеет работать. Солнце умеет спать.

Но в темные зимние ночи,
Когда не только что солнца —
Звезды не найдешь во вселенной
И кажется, нет управы
На лютый холод и мрак,
Веселое летнее солнце выскакивает из полена
И поднимает немедленно
Трепещущий огненный флаг!

Солнце разлито поровну,
Вернее, по справедливости,
Вернее, по стольку разлито,
Кто сколько способен взять:
В одного человека — поменьше,
В другого — гораздо больше,
А в некоторых — очень много.
Спит, затаившись до времени. Можно руку
смело пожать

Этим людям,
Не надевая брезентовые рукавицы,
Не ощутив на ладони ожога
(Женщины их даже целуют,
В общем-то не обжигая губ).
А они прощаются с женщинами и уходят своей
дорогой.

Но в минуты,
Когда не только что солнца —
Звезды не найдешь вокруг,
Когда людям в потемках становится зябко,
Вдруг появляется свет.
Вдруг появляется пламя, разгорается постепенно,
но ярко,
Люди глядят, приближаются,
Сходятся, улыбаются,
Руке подавая руку,
Приветом встречая привет.

Солнце спрятано в каждом!
Надо лишь вовремя вспыхнуть,

Не боясь, что окажется мало
Вселенского в сердце огня.
Я видел, как от травинки
Загоралась соседняя ветка,
А от этой ветки — другая,
А потом принималось дерево,
А потом занималось зарево —
И было светлее дня!

В тебе есть капелька солнца (допустим, что
ты травинка).

Отдай ее, вспыхни весело,
Дерево пламенем тронь.
Быть может, оно загорится (хоть ты не увидишь
этого,

Поскольку отдашь свою капельку,
Золотую свою огневинку).
Все умирает в мире.
Все на земле сгорает.
Все превращается в пепел.
Бессмертен только огонь!

В УЗЕЛ СВЯЗАНЫ НИТИ

Вы проходите мимо слона?

Подождите.

Рассмотрите вплотную это чудо, увиденное наяву.

Он умеет такое, что никто на земле не умеет.

Например... он берет траву,

Сочную (после дождя) или пыльную (лишь бы еда),

Свежей воды добавляет из близтекущей реки

(Впрочем, может из лужи браться слонем вода),

Все смешает потом

И спит себе в холодочке

С набитым травой и водой животом,

Там, где тропиков солнце леса пробивает вкось.

Это кажется только, что спит, а на самом-то деле

Из зеленой, мягкой травы

(Вы подумайте только — из мягкой травы)

Без особых усилий (но где?!)

(Где пробирок, и колб, и спиртовок ряды?

Где приборы?

Где задумчивость профессорской головы?)

Создает слоновую кость!

Вы-ра-ба-ты-вает слоновую кость,

Тяжелую, плотную, желтую, с глянцевым блеском

Из мягкой, совсем не похожей на кость травы!

Вы проходите мимо цветка?
Наклонитесь.
Поглядите на чудо,
Которое видеть вы раньше нигде не могли.
Он умеет такое, что никто на земле не умеет.
Например... Он берет крупинку мягкой черной земли,
Затем он берет дождя дождинку,
И воздуха голубой лоскуток,
И лучик, солнышком пролитой.
Все смешает потом (но где?!)
(Где пробирок, и колб, и спиртовок ряды?),
И вот из одной и той же черного цвета земли
Он то красный, то синий, то сиреневый, то золотой!
Мало этого! Семечко сделает он
Из земли, из воздуха и воды.
Такое, что взять-то никак не возьмешь,
Раскусишь, поищешь — ничего не найдешь,
А между тем все заранее спрятано там,
Что присуще живым цветущим цветам:
И корни, и стебель, и лепестки
(И краска припрятана для лепестков),
И способность вырасти именно возле реки
Или именно вдалеке от ее берегов!

Вы проходите мимо прохожих людей,
Их расталкивая на тротуаре?
Остановитесь!
Поглядите на чудо
Из всех возможных и сущих чудес.
Человек,
Он умеет такое, что никто на земле не умеет.

Например... он берет говяжьего мяса кусок,
И луку пучок
(Иль иное земное растение),
И воду берет, и воздуха светлый глоток,
И рыбу, и дыню, и свеклу, и грецкий орех,
Бездумно берет, безотчетно берет, наудачу.
И вдруг
Из всего, что он взял,
Что вдохнул, и выпил, и съел...
Слово человеческое создает!
И загадку,
И песню,
И смех (человеческий смех!),
И а-риф-ме-ти-ческую задачу!

Так разве же можно подойти и ударить его по голове?
Подойти и отнять кусок хлеба?
Не дать ему воздуха или воды?
Или солнца, солнца ему не дать?!
(Подозреваю, что именно из солнца
Сотворяется в человеке смех.)
Подумайте. Повремените.
В нем,
В одном человеке (если только он человек),
Прошедших туманных веков
И грядущих туманных веков
В узел связаны нити.
Не оборвите!

ГОЛОВА

В пыли, перед нашим домом,
Валяется птичья голова.
Совершенно ненужный предмет.
Я шел и почти наступил на нее,
Но с брезгливостью ногу отдернул
И палкой
Кровавый комочек
Отбросил поближе к помойке,
Ибо именно там ее место...
Именно там? Ты уверен?
Жара... Мозг, наверно, уж стал протухать.

Сколько сот миллионов столетий
Вся природа,
Все лучшие,
Все кропотливые силы земли
Создавали те несколько граммов
Самого тайного,
Самого тонкого,
Самого точного вещества,
Что сейчас протухает
В изящной, удобной коробке из кости
И что люди условно назвали созвучием: «мозг»?

Все он мог.

Даст приказ — и вздымаются крылья у птицы,

Даст приказ — и поет и щебечет она.

Даст приказ — из гнезда за добычей стремится,

Даст приказ — возвращается, долгу верна.

У жизни,

Распростершейся во времени и пространстве,

Блестяще выдержанный экзамен —

Эта маленькая,

В пестрых перышках,

Бесконечно красивая голова.

Триста тысяч машин, размещенных в гигантском зале,

Не заменят пятнадцати граммов

Невзрачного мягкого вещества.

Кто-то мне говорил: в институте мозга

Изучают, делают срезы, разглядывают в микроскоп...

Да, четырнадцать миллиардов клеток,

Да, фосфора (допустим) полпроцента,

Но разве только это

Вмещает мой человеческий лоб?!

Загляните туда —

И развернутся синие бездны,

Вся вселенная там, Андромеды туманность видна.

Сколько зорь и цветов

И стихов и морей — я не бедный,

А какие мечты,

А какие горят имена!

Так что, если когда-нибудь вам попадетя

Моя,

Валяющаяся на дороге,
Снарядом ли,
Просто ли оторванная голова,
Не пинайте ногой, пододвигая поближе к помойке,
Не говорите,
Что именно там ее место...

Даже относительно птичьей
Я обратно беру
Безобразные, безответственные слова.

ОБИЖЕННАЯ ДЕВОЧКА

Я наблюдал с высокого холма,
Как лугом, потонувшим в майском солнце,
Шли в школу дети. Четверо мальчишек,
И с ними рядом девочка одна.
Ее опрятный фартучек так ярко
(Как бы большая свежая ромашка)
Светился средь весенней желтизны!

И вот они обидели ромашку,
Забрызгали ее водой из лужи,
Наляпали на фартук грязных пятен
И довели до горьких, горьких слез.

Она от них отстала, повернулась
И потихоньку побрела домой.

Светило солнце. Жаворонки пели.
Земля дышала утренним теплом.
Но шла девчонка, солнышка не видя,
Не слыша пенья жаворонка в небе.
Тепла земли не чувствуя на коже,
Добра земли не слыша под ногой.

Обида злая черною заслонкой
Все от нее мгновенно заслонила,
И только горечь, только чернота
Кипели в добром маленьком сердечке.

О зло людское! Как бы мне придумать
С тобой сразиться в страшном поединке,
Чтоб изрубить твои глухие корни,
Чтоб истребить твоё глухое семя,
Чтобы убить твоё глухое сердце,
Наполненное мерзостью и смрадом.
Ты солнце застишь!
Как
    убить тебя?!

ВЕТЛА

Ветле,
Что за картофельным загоном,
Из всех деревьев нашего села
Не повезло —
Устроили там свалку.

Ну да: во-первых, неизвестно чья,
И кто и для чего ее сажал там,—
Не знаем.
Если вокруг других
Вполне домашних и вполне приличных ветел
Всегда разметено и чисто, как в избе,
То там, у бесхозяйственной ветлы,
Навалено неведомо чего.
Несут туда железные обрезки,
Несут туда калоши и ботинки,
Что, значит, никуда уж не годны
(Когда б хоть чуть годились — не несли бы),
Издохнет кошка — выбросят к ветле.
Так окружили бедную ветлу
Рваньем тряпичным, падалью кошачьей,
Что лучше уж сторонкой обойти.

А между тем, когда приходит май,
Она, в грязи увязнув по колени,
Вдруг начинает тихо золотеть.
Ей наплевать на рваные калоши,
На банки на консервные, на ветошь,
Она цветет, как все земные сестры
Ее цветут,—
Застенчивым цветеньем,
Чистейшими, невинными цветами,
Их первозданно солнцу открывая.
И светится. И пахнет медом вся.

И, между прочим, пчелы к ней летают,
На мусор у подножья невзирая,
И людям, что деревья обижают,
Прозрачный мед с цветов ее неся.

* * *

Ждет семени земля,
Взрыхленная плугами,
Слегка дымясь,
Слегка лоснясь на срезях,
И пахнувшая будто бы
Вино.

Чтоб прорасти,
Чтобы ее хмельную,
Земную, беспокоящую силу,
Захлебываясь, выпило
Зерно.

Ждет женщина любви,
Раздетая бесстыдно,
Вся жаркая,
Вся в чутком трепетаньи,
В избытке юных,
Самых светлых
Сил.

Чтоб прорасти,
Чтоб розовый младенец

Хмельную, беспокоящую силу,
Ее парную, трепетную силу,
Безжалостно, захлебываясь,
Пил.

Страница жаждет слов.
В медовом освещении,
Вся чистая,
Слегка лоснясь от света,
Заманчивая. Каждый раз
Нова.

Чтоб прорасти,
Чтобы мою хмельную,
Земную, беспокоящую силу
(Дымится кровь!), мою парную силу,
Захлебываясь, выпили
Слова.

* * *

Вон с этой женщиной я долго целовался.
Я целый день с ней жадно целовался.
И вот живу. И вот гляжу, скучая,
На небо в однотонных облаках.
А на душе пустынно и неярко,
Как будто я совсем не целовался.
И пресно. И умыться не мешало б.
А душу сполоснуть горячим спиртом,
Граненый опрокинувши стакан.

Вон с этой женщиной мы шли вечерним лесом.
Я за нее руками не хватался.
Я с ней совсем, совсем не целовался,
Лишь на руках пронес через ручей.
Она ко мне доверчиво прильнула,
В мои глаза туманно заглянула
И щеку мне дыханьем обожгла.
И вот живу. И грудь полна восторга,
И легкое кружение, как будто
Я выпил спирт и тут же захмелел.
А на щеке горячее дыханье
Еще живет. Боюсь рукой коснуться,
Чтоб не стереть его. Не уничтожить.
Так что ж такое женская любовь?

ДОСТУПНО ЛЮДЯМ ЧУВСТВО КРАСОТЫ...

Доступно людям чувство красоты,
И человек с веками научился
Зарю, страданье, женское лицо
Класть на холсты, играть на дивной скрипке
И в бронзу строк упорством загонять.

Умеем мы в картинных галереях
Смотреть на самодельные рассветы,
А наблюдая утреннее небо,
И летний лес, и осень золотую,
Не можем мы невольно не сравнить
Живую красоту, живую свежесть
С твореньями великих мастеров.

Но иногда увидится такое,
Пред чем немеют краски и слова.
Есть на земле такое, говорю,
Что ни смычку, ни кисти не покорно,
Любому недоступно мастерству.
О лепестки нежнейшего цветка
Резцы стальные скульптор обломает,
А не создаст подобия ему.

Есть на земле такое, говорю,
Что и пытаться передать не нужно,
Что выше всех известных нам искусств
Уж потому, что живо. Гениальной
Любых искусств земною простотой.
Оставь слова. Замри, благоговей,
Молчи перед великой красотой!

Что о тебе сказать?
Пускай придут и спросят,
Какая ты, насколько ты красива,
Пускай придут и спросят: расскажи
Про голос, про улыбку и про взгляд,
Про волосы, рассыпанные тяжко,
Про очертанья стана твоего...

Не позову великих скрипачей
(Бессилен был бы даже Паганини
Сыграть тебя). Я также не прибегну
К созвучьям слов, к их яркости и силе.
И живописцев я не позову,
Чтоб гаммой красок, мощью вдохновенья
Они на холст тебя перенесли.
Но ты во всем! Пускай придут и спросят...
Ее хотите видеть? Хорошо.
Пора идти, рассеялся туман.

И покажу им ливни золотые,
Что сообщают силу возрожденья
В земле засохшей сонмищам семян.

И покажу им в тайниках лесов
В полночный час красавицу ночную,
В подлунно-белом брачном одеянии,
Стыдливую настолько, что лишь ночью
Она поит пьянящим ароматом
Незыблемый и влажный воздух леса.

Я покажу им спелые плоды,
Наполненные влагою и солнцем.

И горные кипящие потоки,
Что, словно страсть, не ведают преграды.
И сильное, но плавное в долинах
Течение рек, что так же полноводны
И так же никогда неистощимы,
Как и земная радость материнства.

Я покажу им землю до конца.
Моря и степи, горы и долины.
Итак, скажу, вы видели Ее.
Но то, что вы увидели поврозь,
В ней собрала природа воедино.
Все собрала разумно и счастливо.

Красива ты земною красотой,
Земля тобой, любимая, красива.

ДИРИЖЕР. РАПСОДИЯ ЛИСТА

Я слушал музыку, следя за дирижером.
Вокруг него сидели музыканты — у каждого
особый инструмент.

(Сто тысяч звуков, миллион оттенков!)
А он один, над ними возвышаясь,
Движеньем палочки, движением руки,
Движеньем головы, бровей, и губ, и тела,
И взглядом, то молящим, то жестоким,
Те звуки из безмолвья вызывал,
А вызвав, снова прогонял в безмолвье.

Послушно звуки в музыку сливались:
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель;
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют и взовьются,
И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплются на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть.

Покорно звуки в музыку сливались.
Но постепенно стал я различать
Подспудное и смутное брожение
Неясных сил,
Их шепот, пробужденье,
Их нарастанье, ропот, приближенье,
Глухие их подземные толчки.
Томительно и сладко ожиданье,
Они уже почти землетрясенье,
Еще мгновенье... Есть предел... Мгновенье —
И час пробьет...
И этот час пробил!
О мощь волны, крути меня и комкай,
Кидай меня то в небо, то на землю.
От горизонта
И
До горизонта
Кипящих звуков катится волна.
Их прекратить теперь уж невозможно,
Их усмирить не в силах даже пушки,
Как невозможно усмирить вулкан.

Они бунтуют, вышли из-под власти
Тщедушного седого человечка,
Что в длинном фраке,
С палочкой нелепой
Задумал со стихией совладать.

Я буду хохотать, поднявши руки,
А волосы мои пусть треплет ветер,
А молнии, насквозь пронзая небо,
Пуškai в моих беснуются глазах,

Их огненными делая из синих.
От горизонта
И
До горизонта
Пушай змеятся молнии в глазах.

Ха-ха-ха! Их усмирить уж невозможно
(Они бунтуют, вышли из-под власти),
Как невозможно бурю в океане
Утишить вдруг движением руки.

Но что я слышу...
Нет...
Но что я вижу:
Одно движенье палочки изящной —
И звуки все
Упали на колени,
Потом легли... потом уж поползли...
Они ползут к подножью дирижера,
К его ногам!
Сейчас, наверно, ноги
Ему начнут лизать
И пресмыкаться...
Но дирижер движением спокойным
Их отстранил и держит в отдалении.
Он успокоил,
Он их приласкал.
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель;
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют и взовьются,

**И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплется на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть...**

**Все правильно. Держать у ног стихию
И есть искусство. Bravo, дирижер.**

ВЕТЕР

Ветер

Летит над морем.

Недавно он не был ветром,

А был неподвижным, теплым воздухом над землей.

Он окружал ромашки.

Пах он зеленым летом,

**Зыбко дрожал над рожью в желтый полдненный
зной.**

Потом,

Шевельнув песчинки,

Слегка пригибая травы,

Он начал свое движенье. Из воздуха ветром стал.

И вот

Он летит над морем.

Набрал он большую скорость.

Забрал он большую силу. Крыльища распластал.

Ходят

Морские волны.

С них он срывает пену.

Пена летит по ветру. Мечется над волной.

Светлый

Упругий ветер

Не медом пахнет, а йодом,
Солью тревожно пахнет. Смутно пахнет бедой.

Руки мои как крылья. Сердце мое распахнуто.
Ветер в меня врывается. Он говорит со мной:
— Спал я

Над тихим лугом.

Спал над ромашкой в поле.

Меня золотые пчелы пронизывали насквозь.

Но стал я

Крылатым ветром,

Лечу я над темным морем,

Цепи я рву на рейдах, шутки со мною — брось!

Я

Говорю открыто:

Должен ты выбрать долю,

Должен взглянуть на вещи под резким,

прямым углом:

Быть ли

Ромашкой тихой?

Медом ли пахнуть в поле?

Или лететь над миром, время круша крылом?

Что я

Ему отвечу?

— Сходны дороги наши.

Но опровергну, ветер,

главный я твой резон:

Если б

Ты не был тихим

Воздухом над ромашкой,

Где бы ты ветер взялся?

Где бы ты взял разгон?

СЛОВО

Сегодня утром я заканчивал стихотворение
И долго мучился над словом, которое не хотело приходить.
Я брал слова и пробовал их:
На вес,
На вкус,
На запах,
На цвет,
На прочность,
На оттенки вкуса, цвета и запаха
(Почти неуловимые оттенки, но в том-то и состоит
Вся прелесть и вся соль
Необыкновенного нашего ремесла),
На остроту,
Как лезвие ножа иль топора,
Я пробовал слова на пальце.
И что же?
Сегодня мне не годилось ни одно из слов.
Все в мире для меня исчезло: все цели, все задачи,
Стремления, интересы, радости, заботы, планы, люди,
Осталась одна задача, одно-единственное дело:
Найти слово и поставить его на место,
Ибо без него стихотворение не хотело жить.

Мало того, мне стало казаться, что и всем другим,
Живущим на свете людям, непременно нужно это слово,
Что им не хватает именно
Только его,
Хоть они, возможно, и не догадываются об этом.
А иначе какой же смысл
В бессонных поисках слова,
В так называемых муках творчества,
И во всем поэтическом ремесле?

Вдруг за стеной, у соседей
(Ветх и зыбок наш деревенский деревянный дом)
Я услышал разговор между восьмидесятилетним кузнецом

Никитой

И его дочерью Марьей, пришедшей Никиту будить.
— Вставай! — сказала она.— Самовар стоит на столе.
Мне надо бежать на работу. Девятый уж час, вставай!
— погоди,— ответил Никита-кузнец.— Не трогай меня.
Помираю.—

Тогда я вспомнил, что третий день, как кузнец хворает,
И понял, что это серьезно. И она поняла:
— Подожди, я тебе молочка... погоди, я сейчас разогрею...
(Что погоди? погоди помирать?)
Я тебе горячего молочка...

Итак, кузнец Никита произнес то слово,
Которое было для него самым важным и нужным в эту
минуту:

«Помираю»!

Не пойти ли спросить,
Сколько времени он это слово искал?
Сколько слов перебрал он прежде,

Чем нашел единственное, заставляющее содрогнуться,
Великолепное по своей простоте.

Не пойти ли спросить,
Какие муки творчества пришлось ему испытать?
Как он их проверял, слова, отбирая:
На вкус?
На цвет?
На запах?
На прочность или на остроту?
Какими сложными путями,
В результате
Каких отчаянных попыток
Пришел он к самому важному для себя слову?

Надо ли говорить, что в это утро
Я так и не закончил своего стихотворения.

РАБОТА

Что нам надо уметь? Дрова колоть?
Исколол я их сто полениц.
Еловые, как бы из янтаря,
Пронзенные черными сучьями
До сердцевины наискосок;
Осина — синенькая древесина
Распадается с легким щелчком
И опрокидывается на желтый песок.
Клен — хорош. Сосна — неплоха.
Царские дровишки — сама ольха
(Горячи изразцы с мороза!).
Но лучше всех, конечно, береза.
Плохо колется — только клинится,
А как в печь-то она подкинется —
Уголь мелкий, да не угарный.
Все березе мы благодарны.

Что нам надо уметь? Железо резать?
Обучал меня мастер обращенью с железом.
Сопровивленье металла преодолевая
(Умеет сопротивляться металл),
Вгрызаешься понемногу зубилом,
Напильником лишнее убираешь,

Керном бьешь его,
И сверлишь, и строгаешь,
Зажав покрепче, чтоб не убежал.

Ну а если сталь, что так крепка,—
Не останется даже и метки,
Вхолостую напильник скользнет, соскочит зубило
И в сторону отлетит?
Учил меня мастер: на каждую крепость
Найдется другая крепость,
Ступай в кладовку — выпиши «победит».
Что мы делали с ней, со сталью крепчайшей!
В сущности, делали все, что хотели,
Вернее, все, что нам было нужно,
И ласкали ее наждаком, и калили в огне...
Были искры, жара, цвета побежалости,
Но не было робости,
Не было жалости,
Ах, как эта работа нравилась мне!

Что нам надо уметь? Слово схватить
Из тысячи самое точное?
И кинуть в огонь, и зажать в тиски,
Или положить его на наковальню?
И делать с ним все, что я захочу,
Вернее, все, что мне только нужно,
Чтоб оно, граненое, заблистало?
Я уж вам говорил: не похлопывая по плечу,
Обучал меня мастер обращенью с металлом.
Главное в жизни — не щадить ладоней,
Не воспитывать жалости
К чувствительной, ласковой коже их.

Смотрите,
Меняет цвета побежалости
Мой
Постепенно раскаляемый стих.
Дрова ли колоть, стога ли метать,
За другое ли братья дело,
В каждой работе должна прилипнуть
Рубаха к горячему телу
От первого пота,
От третьего пота,
От седьмого пота...
А иначе... какая же это работа!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Окончен завтрак. Вилку отложив,
Ты говоришь жене своей спасибо,
Иль матери спасибо говоришь,
Иль другу, накормившему тебя,
Но почему не скажешь ты спасибо
Крестьянину с тяжелыми руками,
Измазанными жирным черноземом,
Исколотыми спелую соломой,
Взрастившими высокие хлеба?

Но почему не скажешь ты спасибо
Рабочему с тяжелыми руками,
Чья сталь в печах бушует и клокочет,
Лицо, как вспышки молний, озаряя,
Чья сталь косой становится звенящей,
И лемехом для тракторного плуга,
И тем ножом, наточенным отменно,
Которым хлеб нарежали к столу?
Как нежен на столе твоём горошек!
Еще нежней, чем розовые крабы,
Что на одной тарелке с ним лежат.

Так почему ж не скажешь ты спасибо
Суровым красноруким краболовам
(Морская соль их руки разъедает,
От брызг и ветра лица продубели)...

Ну чем еще ты завтракал сейчас?
Вон вижу я на блюдечке маслины,
Что выросли в краю, где белый камень
Под солнцем раскаляется полднемным.
И черной нет земли,
И мягкой нет травы,
Но только камень белый, на котором
Оливковое дерево растет,
Даря плоды.
Да полно, неужели
Оно само взрастает на камнях!

Так почему ж не скажешь ты спасибо
Албанским или греческим крестьянам,
Чей труд теперь твой завтрак усладил!

Их армия бесчисленная, тех,
Кому ты должен каждую минуту
Быть благодарным.
Армия людей,
Овец пасущих,
Ткани создающих,
Тебе дающих пищу и тепло.

Кирпич и мех,
Бумага и чернила,
Табак и спички,
Масло и вино,

И рюмка для вина,
И шкаф для этой рюмки,
И все, к чему рука ни прикоснется,—
Все сделано умелыми, простыми,
Бесчисленными добрыми людьми.

Одно тут важно знать, что в ту минуту,
Когда ты хлеб жуешь, иль ешь маслины,
Или чернила в ручку набираешь,
Иль просто свет включаешь у себя,
Что где-нибудь, в Сибири иль в Египте,
В столице шумной иль на полустанке,
В избе крестьянской или на заводе,
Что где-нибудь за труд,
Тобой свершенный,
Тебе
Спасибо люди говорят.

Тогда живи спокойно. Ешь что хочешь,
И на трамвае езд, и на лыжах,
Тогда ты равен в нашем общежитии,
И самые позорные слова —
Бездельник,
Паразит
И тунеядец,—
Они, мой друг, совсем не про тебя!

ЗАГОРЕЛЫЙ, В КЛЕТЧАТОЙ РУБАХЕ...

Где нависли бронзовые скалы
Над зеленой горною рекою,
Встал геолог в клетчатой рубашке
И киркой на скалы замахнулся.

Глухо сталь прозвякнула о камень,
Вот лежит обломок на ладони.
Верно, были искры, только разве
Их увидишь при альпийском солнце?

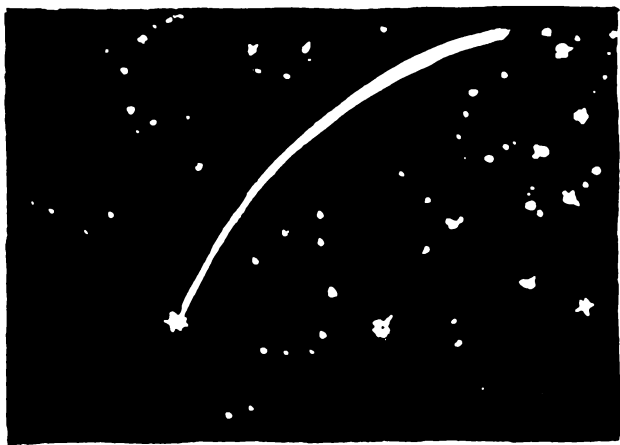
Вот лежит обломок на ладони:
Голубые тонкие прожилки,
Золотые солнечные блески,
Темные капли на изломе.

Спрячь, геолог, справочник и лупу,
Все мне здесь по-своему знакомо.
Темные свинцовые капли
В теплый дождь на листьях и на травах.

Голубые тонкие прожилки
На руках горячих у любимой.

Я, когда губами их касаюсь,
Слышу крови сильное биенье.

Золото плодов земных я знаю,
Надкушу — оно наружу брызнет.
Загорелый, в клетчатой рубахе,
Я стою с киркой пред глыбой жизни!

III

ОЧАГ

Безнадёжно испорчено слово «очаг».
Эти плоские камни в убогом жилище,
Где огонь в непогожие ночи не чах,
Чтоб согрелась семья и поджарилась пища.

Добрый, тёплый огонь.
Он в гнезде из камней
Прожил тысячи лет — огнеперая птица.
Был округлым очаг,
Чтобы людям тесней
Вкруг огня в непогожую ночь разместиться.

Но не только огонь и не камни — очаг.
Есть на свете семья, и в течение столетий
Тосковал мореходец о добрых очах,
Об объятых жены и о маленьких детях.
Тосковал мореходец,
Рыбак,
Зверолов,
Все мечтал поскорее домой воротиться.
Он вернется домой, и устал и суров,
И забьется в камнях огнеперая птица.

«...Очаги тбц», — говорят доктора,
Над больным распрямляя усталые спины.
Захворал у соседей ребенок вчера,
И назвали его очагом скарлатины.

Смысл великий у этого слова зачак.
Очаги радиации есть в океане.
На Тайване — очаг,
И в Берлине — очаг,
И недавно очаг погасили в Ливане!

На таком очаге не сготовишь еды,
На ночлеге степном он тебе не приснится.
Там расправила черные крылья беды
И готова взлететь смертоносная птица.

Летуны разлетались в ненастных ночах.
Спит дочурка моя, одеяльцем укрыта...
Как жестоко испорчено слово «очаг».
Теплота,
Доброта очага позабыта!

ЗВЕЗДНЫЕ ДОЖДИ

Бездонна глубь небес над нами,
Постой пред нею, подожди...
Над августовскими хлебами
Сверкают звездные дожди.
Не зная правильной орбиты,
Вразброд, поодиночке, зря
Летят из тьмы метеориты,
И круто падают, горя,
Куски тяжелого металла.
Откуда их приносит к нам?
Какая сила разметала
Их по космическим углам?
На островок земли туманный,
Где мирно пахутся поля,
Не так ли бездна океана
Выносит щепки корабля?
А вдруг уже была планета
Земле-красавице под стать,
Где и закаты, и рассветы,
И трав душистых благодать?
И те же войны и солдаты
И те же коршуны во мгле.

И наконец разбужен атом,
Как он разбужен на земле?
Им надо б все обдумать трезво,
А не играть со смертью зря.
Летят из тьмы куски железа
И круто падают, горя.
То нам примером быть могло бы,
Чтобы, подхваченный волной,
Как голубой стеклянный глобус,
Не раскололся шар земной.
Погаснет солнце на рассвете,
И ни просвета впереди...
А на какой-нибудь планете
Начнутся звездные дожди.

БОГИ

По дороге лесной, по широкому лугу
С дальнобойким ружьем осторожно иду.
Шарит ствол по кустам, озирает округу,
И пощаду в себе воплотив и беду.
Путь от жизни до смерти мгновенья короче:
Я ведь ловкий стрелок и без промаха бью.
Для порхающих птиц и парящих и прочих
Чем же я не похож на пророка Илью?
Вот разгневаюсь я — гром и молния грянет,
И настигнет стрела, и прощай синева...
Вот я добрый опять (как бы солнце прогляжет),
Улетай себе, птица, оставайся жива.
Только птицы хитры, улетают заране:
Мол, на бога надейся, но лучше в кусты...
И проходит гроза, никого не поранив, —
«Злой ты бог, из доверия выбился ты!»
Впрочем, вот для разрядки достаточный повод:
На березе скворцы у скворечни своей;
Белогрудая ласточка села на провод,
Восхищенно глядит, хоть в упор ее бей.
Так за что ж ее бить, — за доверие, значит?
Для того чтоб она нелюдимой была,

Та, что даже детишек от взгляда не прячет
И гнездо у тебя над окошком свила?
Ты ее не убьешь и пойдешь по дороге,
Онемает в стволе окаянный свинец...

. . . . .

Пуще глаза, о, с громом и молнией, боги,
Берегите доверие душ и сердец!

ПЕВЕЦ

Я слышу песню через поле,
Там, где дороги поворот.
Она волнует поневоле,
Невольно за сердце берет.
Вся чистота и вся стремленье,
Вся — задушевный разговор.
Есть теснота и горечь в пеньи
И распахнувшийся простор.
В траве — ромашка, хлебный колос,
Росинка, первая звезда...
Какой красивый, сильный голос,
Как он летает без труда!
Несчастный миг и миг счастливый,
И первый лист, и первый снег...
Должно быть, сильный и красивый
И справедливый человек
Поет. Что песня? Боль немая.
Ведь песню делает певец.
И горько мне: певца я знаю,
Певца я знаю — он подлец!..
Трусливый, сальный, похотливый,
Со сладким маслицем в глазах.

Возьмет, сомнет нетерпеливо,
Оставит в горе и слезах.
Предаст, потом с улыбкой: «Вы ли?!
Мы с вами, помнится, дружны!..»
Нетопырю даются крылья.
Болоту лилии даны!
Между души его болотом
И даром петь, какая связь?
О справедливость, для чего ты
Мешаешь золото и грязь?

ЗВЕЗДА

Звезда упала — загадай желанье!
Звезда упала... Звездные дожди...
Звезда упала?
Прямо наказанье
С таким народом.
Слушай, подожди,
Ты что, не знаешь? Это ж метеоры,
Куски железа мечутся в ночи.
А звезды, те далеко
И не скоро
К нам долетают звездные лучи.

Когда б звезда действительно упала,
Вернее, мы упали б на звезду,
Песчинкой бы упали самой малой,
Как, скажем, вишня падает в саду,
Конечно, все сгорело бы мгновенно!
В один момент не стало бы земли!
Мы отнимаем тайны у вселенной,
Уж мчатся к звездам наши корабли,
А ты, как будто грамоты не зная,

Твердишь:
Звезда упала...
Звездопад.

Молчала бездна, звездами пылая,
Деревья спали около оград.
Молчала ночь, и слово прорастало,
И шла любовь, как если бы беда...

И в этот миг
С небес
Звезда упала.
Звезда упала.
Слышишь ты? —
Звезда!

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Глухая ночь сгущает краски,
И поневоле страшно нам.
В такую полночь без опаски
Подходят волки к деревням.
Зачем-то совести не спится,
Кому-то хочется помочь.
И болен мозг. И дух томится.
И бесконечно длится ночь.
Захлопав шумными крылами,
Петух проснувшийся орет.
Полночный час идет над нами,
Звезда полночная плывет.
По всем дворам пропели певни,
Но не разбужена земля.
И снова тихо над деревней,
Темны окрестные поля.
Повремени, собравши силы.
Земля вращается в ночи.
Опять глашатай краснокрылый,
Крылом ударив, закричит.
И снова все ему ответят
Из-за лесов... Из-за реки...

Но это все еще не третьи,
Еще не третьи петухи.
Еще раздолье всем сомненьям,
Еще не просто быть собой.
Еще в печах к сухим поленьям
Не поднесен огонь живой,
Чтоб трубы дружно задымились,
Чтобы дымъ тянулись ввысь,
Чтоб жар пылал, чтоб щи варились,
Чтоб хлебы добрые пеклись.
Еще зари в помине нету,
Еще и звезды не бледней
И утра светлого приметы
Неуловимы для людей.
Но скоро станет мрак белесым,
Проступят дальние стога
И солнце, выйдя из-за леса,
Зажжет февральские снега.
Но выйдет солнце непременно,
В селе,
Вокруг,
Из-за реки
По всей предутренней вселенной
Горланят третьи петухи.

ЗИМА

**И надо ж случиться: в разгар января
Возникли капли, на солнце горя.**

**Сосульки над каждым окном и оконцем,
На каждой сосулке по яркому солнцу!**

**Весенние краски, весенние речи...
Тепло наступало, сугробы калеча.**

**Тепло наступало, калеча и руша...
Навстречу теплу раскрываются души.**

**И те, что озябли, и те, что устали,
И те, что из камня, и те, что из стали.**

**Расклеивай окна, распахивай двери,
Кому же и верить, коль солнцу не верить!**

**И так совершилось, что в тополь высокий,
Оттаяв, пошли забродившие соки.**

**И так совершилось, что ветви сирени
Земля напоила настоем весенним.**

И вспыхнули утром, нежны и тонки,
Зеленые робкие огоньки.

Ведь солнце все ярче, а ночи все мгlistей,
Доверчивы души, доверчивы листья.

А к вечеру пар повалил из метро,
Зима поступила довольно хитро.

В поспешности ртуть уползала из трубок,
И женщины кутались в ласковость шубок,

Родители гнали детишек скорей
В уют абажуров, к теплу батарей.

Домой торопился от холода каждый,
Москва опустела. А листья-то как же?

Никто из прохожих не взял их в тепло.
Зеленые льдинки... живое стекло...

Должны у деревьев учиться и мы:
Не верьте ручьям в середине зимы!

ЯБЛОНИ

1

Яблоня в нашем саду росла,
Очень крепкой она была.
Самой сладкой она слыла,
Самым белым цветом цвела.
Сучья тяжело к земле склонив,
Зрели яблоки — белый налив.
Зубы врежешь — в гортани мед,
Теплым соком гортань зальет.

Вот покраснела в лесу листва,
Вот забурела в лугах трава,
Вот затрещали в печах дрова,
Я не перечу — зима права.

Онемела земля во льду,
Все мертво под луной в саду.
Снег подлунный и тот как лед:
Голубое сиянье льет.
С каждым часом зима сильней.
И до нежных живых корней
Уж добрался лютой мороз.

Спят деревья — не видно слез.
Все случилось в глубоком сне,
Не помог и глубокий снег.

Но расплата близка всегда:
В марте месяце — с гор вода.
Забурлили ручьи-ключи,
Заиграли в ручьях лучи.
Раскрошило литые льды.
Теплый дождик омыл сады.
Так ударил расплаты час.
Но не все на земле он спас.
Что же яблони, где ваш цвет?
Почему же и листьев нет?
Вы стоите черным-черны
Посреди молодой травы,
От дыханья самой весны
Не проснулись, деревья, вы.

2

Не сплетаются ветками,
Рос не пьют поутру,
Но, корявые, редкие,
Лишь гремят на ветру.

Подгнивают и падают,
На дрова их возьмут.
Больше солнца не надо им
И весна ни к чему.

Но выходят из семени
Клен, береза, трава.
У зеленого племени
Не отнимешь права.

Глубоки эти корни.
Начинается труд.
И побеги упорно
Пробивают кору.

Только выжить до срока,
Только на ноги встать,
Будет к солнцу дорога —
Ни согнуть, ни сломать.

Будут сильные листья,
Наливные плоды —
Только встать,
Только выстоять,

только быть молодым!

ЖУРАВЛИ

Журавли, наверно, вы не знаете,
Сколько песен сложено про вас,
Сколько вверх, когда вы пролетаете,
Смотрит затуманившихся глаз!
Из краев болотных и задебренных
Выплывают в небо косяки,
Крики их протяжны и серебряны,
Крылья их медлительно гибки.
Лирика полета их певучего
Нашей книжной лирики сильней.
Пролетают, радуя и мучая,
Просветляя лица у людей.
Годы мне для памяти оставили,
Как стоял я около реки
И, покуда в синем не растаяли,
Журавлей следил из-под руки.
Журавли летели, не синицы,
Чьим порханьем полнится земля...
Сколько лет, уж если спохватиться,
Не видал я в небе журавля!
Словно светлый сон приснился, или
Это сказка детская была,

Или просто взяли обступили
Взрослые, серьезные дела.
Окружили книги окончательно,
Праздность мне постыдна и чужда...
Ну, а вы, спрошу я у читателя,
Журавлей вы видели
Когда?
Чтоб не просто в песне, а воочию,
Там, где травы жухнут у реки,
Чтоб, забыв про мелочное прочее,
Все глядеть на них из-под руки?
Журавли!
Заваленный работою,
Вдалеке от пасмурных полей,
Я живу со странною заботою —
Увидать бы в небе журавлей!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Яблоко	7
Не прячьтесь от дождя	8
Полеты	11
Как выпить солнце	14
Ягода	16
Ястреба	18
Облака	21
Солнце	25
В узел связаны нити	28
Голова	31
Обиженная девочка	34
Ветла	36
«Ждет семени земля...»	38
«Вон с этой женщиной я долго целовался...»	40
Доступно людям чувство красоты...	41
Дирижер. Рапсодия Листа	44
Ветер	48
Слово	50
Работа	53
Благодарность	56
Загорелый, в клетчатой рубашке...	59

II

Очаг	63
Звездные дожди	65
Боги	67
Певец	69
Звезда	71
Третьи петухи	73
Зима	75
Яблони	77
Журавли	80

Солоухин Владимир Алексеевич
КАК ВЫПИТЬ СОЛНЦЕ

М. «Советский писатель» 1961. 84 стр.

Редактор *Е. А. Исеев*
Художник *И. Г. Глазунов*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Л. Н. Морозова*

*

Сдано в набор 21/1 1961 г. Подписано к печати 6/V 1961 г. А 04856. Бумага 70×108¹/₃₂. Печ. л. 2¹/₈ (3,6). Уч.-изд. л. 2,31. Тираж 10 000 экз. Заказ № 75. Цена 12 коп.

*

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., 10
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа
Минск, Красная, 23

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ